

Гитарист, получивший одобрение Ду Цяо — хозяйки бара и по совместительству менеджера группы, — априори не мог быть дилетантом. К тому же Юй Сингэ был чертовски хорош собой, талантлив, а уж гитарой владел виртуозно. Так что в коллектив он влился без лишних усилий — точь-в-точь как было описано в романе.

Чарльз радовался едва ли не больше самого новичка. Простодушный и компанейский барабанщик сразу же затащил его обедать, а за столом сиял как начищенный пятак, то и дело чокаясь бокалом. Ли Гу без умолку твердил, чтобы они не налегали на спиртное, но тут заметил, что их вокалист молча прикончил уже целую бутылку.

Ли Гу выразительно уставился на Чэн Цзие.

Чэн Цзие выдал с невозмутимым видом:

— Я мало выпил.

Басист с раскосыми глазами страдальчески прикрыл веки.

Клавишник, сидевший в углу, тоже пил молча. Это был Чэнь Цин — тот самый, с кем Юй Сингэ разминулся накануне. Бледный, с черными волосами до плеч и аккуратным мыском на лбу, он слегка опешил, поймав на себе взгляд Юй Сингэ, но тут же мягко, пусть и немного сдержанно, улыбнулся. Юй Сингэ ответил ему открытой, лучезарной улыбкой.

— Только теперь, с гитаристом, группа ONE стала по-настоящему единым целым! — провозгласил Чарльз, поднимая бокал. Хмель быстро ударил ему в голову, и лицо парня заметно порозовело. — За нас!

— За нас, — отозвались остальные.

Пять бокалов с глухим звоном соприкоснулись, выплеснув брызги золотистого пива.

Группа на удивление легко приняла Юй Сингэ. Реальность послушно следовала сюжету романа.

— За музыку! — добавил Чарльз.

Юй Сингэ посмотрел на Чэн Цзие. Тот на секунду замешкался, а затем произнес:

— За настоящий момент.

В его глубоких, темных глазах на миг отразилось лицо Юй Сингэ.

Юй Сингэ лишь мягко улыбнулся в ответ.

Сейчас никто из них и помыслить не мог, что ровно через год группа распадется. Золотые времена их общей молодости останутся позади, превратившись со временем лишь в короткий, безликий абзац из биографии суперзвезды Чэн Цзие. Спустя годы, давая интервью прессе, он упомянет об этом этапе вскользь, с самым равнодушным видом.

Но это будет потом.

А пока у него еще есть время все изменить. Юй Сингэ прищурился от удовольствия, наблюдая за играющими в бокале искрами.

Переезд Юй Сингэ в комнату по соседству, которую ему сдал Чэн Цзие, прошел на удивление быстро. Вещей у него было кот наплакал: весь скарб уместился в один чемодан да чехол с гитарой. Практично и без лишнего пафоса — весь он был такой.

Они обосновались в неприметной пятиэтажке у обочины — самой обычной жилой коробке, каких полно в городе. Место было удобным: рукой подать до центра Южного района и до бара «Ураган». Квартиры Юй Сингэ и Чэн Цзие располагались на втором этаже, а их балконы соединяла общая открытая галерея. На первом этаже никто не жил, а верхний ярус музыканты целиком выкупили под репетиционную базу.

Когда Чэн Цзие понял, что парень настроен серьезно, он малость удивился. Но спорить с новым гитаристом, чья обезоруживающая улыбка не оставляла шансов для возражений, не имело смысла. Чэн Цзие затушил сигарету и без лишних слов набросал договор аренды.

— Вот ключи от входной двери, — вводил его в курс дела Чэн Цзие. — Кухня, ванная — всё в твоём распоряжении. Что еще... Да, на общем балконе стоит горшок с китайским миртом, аккуратнее там, не растопчи. Хотя если будешь заходить через парадную, проблем не возникнет.

Пока Чэн Цзие говорил, он был уверен, что Юй Сингэ внимательно слушает. На деле же парень лениво разглядывал безукоризненный порядок в квартире. Гостиная была небольшой, но здесь ухитрились втиснуть огромный книжный шкаф и пианино. Чистота в помещении казалась почти стерильной, резко контрастируя с запущенным подъездом. В конце концов взгляд Юй Сингэ зацепился за макушку хозяина дома.

В романе упоминалось, что Чэн Цзие по природе своей был бунтарем с упрямым характером.

От него всё еще тонко пахло табачным дымом. Легкий ветерок шевелил пряди его волос, и этот горьковатый аромат словно растворялся в блеклом небе за окном. Свободная куртка сидела на

нем небрежно — видимо, накиннул наспех. До прихода гостя он, должно быть, читал на диване, судя по сильно примятому воротнику рубашки.

Пауза затянулась. Чэн Цзие почувствовал неладное и, обернувшись, обнаружил, что парень откровенно витеет в облаках.

В темных глазах вокалиста зажглись лукавые искорки.

— Ты меня вообще слушаешь? — с улыбкой спросил он.

«Неужели этот кудрявый и на лекциях так же безбожно спит наяву?»

Юй Сингэ невозмутимо моргнул и прищурился, весело глядя на собеседника:

— Слушаю, конечно.

За окном рассеивалась утренняя дымка, уступая место робкому солнцу. В комнате пахло чистотой и свежестью. Юй Сингэ прислонил чехол с гитарой к дивану.

Пожалуй, за это утро Чэн Цзие наговорил больше, чем за весь прошедший месяц. На сцене он выкладывался без остатка, но в обычной жизни был человеком крайне ленивым и неразговорчивым, так что подобное гостеприимство можно было считать исключительным событием.

Когда все формальности были улажены, Юй Сингэ, едва пробежав глазами договор, размашисто расписался внизу страницы.

— Послушай, ты бы хоть... — Чэн Цзие нахмурился, собираясь пожурить его за беспечность, но кудрявый гитарист уже заворуженно смотрел на инструмент.

Юй Сингэ пропустил замечание мимо ушей. Он потянул за край плотного покрывала, обнажая лакированную поверхность пианино, и, даже не присаживаясь, наугад коснулся клавиш.

Звуки поплыли по комнате — легкие, случайные. Солнечный свет пробился сквозь оконное стекло, окрашивая мягкие кудри Юй Сингэ в теплый ореховый оттенок, а его тонкие пальцы, порхающие над клавишами, казались почти полупрозрачными.

Полуденные лучи прорезали полумрак между стеллажами, высвечивая кружащиеся в воздухе пылинки. В комнате пахло старой бумагой, типографской краской и сухим деревом. Наклонившись над клавиатурой, этот юноша с копной непослушных волос продолжал играть, и изящные изгибы его длинных пальцев завораживали своей пластикой.

Чэн Цзие прислонился к косяку, наблюдая за ним, и понемногу расслабился.

Живой, неподдельный восторг на лице парня невозможно было сыграть. Музыка словно ласкала его юношеские черты, растворяясь в тишине квартиры. Пальцы Чэн Цзие невольно начали выстукивать такт, безошибочно угадывая мелодию.

Это был отрывок из «Лунного света» Дебюсси.

Пленительный, подернутый дымкой мотив внезапно оборвался на самой высокой ноте.

Юй Сингэ в замешательстве поднял глаза на Чэн Цзие.

— Неверно. Последняя нота должна быть другой. — Чэн Цзие, обычно казавшийся равнодушным и холодным, подошел ближе. Он мягко обхватил пальцы Юй Сингэ своими и нажал на нужную клавишу.

Когда чистый звук растаял в воздухе, в темных глазах Чэн Цзие промелькнула теплая усмешка.

Если не брать в расчет излишнюю наивность, этот новый гитарист чертовски точно попадал во все его эстетические предпочтения.

К тому же...

Чэн Цзие заглянул в его светлые, золотисто-карие глаза, в которых сейчас, казалось, плясали солнечные зайчики.

«А он действительно хорош собой»

Юй Сингэ незаметно скользнул подушечками пальцев по его ладони, ощутив тепло и едва уловимую шероховатость мужской кожи.

Дразнить главного героя оказалось на удивление забавно. Юй Сингэ опустил ресницы и убрал руку, полубоком прислонившись к пианино. Случайное движение локтя задело клавиши, вызвав нестройный рокот.

— Братец, — позвал он.

Это обращение теперь давалось ему легко и звучало вполне непринужденно.

Чэн Цзие уже минуту не сводил с него глаз. Если бы Юй Сингэ его не отвлек, они бы так и простояли посреди гостиной до вечера.

— Получается, теперь мы соседи? — Юй Сингэ задорно вскинул бровь. В своей светлой расстегнутой куртке высокий, статный парень казался олицетворением юношеской энергии — порывистым, живым и немного дерзким.

— В каком-то смысле, — Чэн Цзие словно стряхнул с себя оцепенение. На его лицо вернулась привычная ленивая полуулыбка, а в хриловатом голосе послышались мягкие нотки: — Добро пожаловать, наш новый гитарист.

У Чэн Цзие был потрясающий голос — глубокий, с приятной хрипотцой. Он завораживал не только на сцене, но и в обычной беседе. Флиртовать этот парень умел виртуозно.

«Жаль только, что он стопроцентный натурал»

Юй Сингэ мысленно усмехнулся, но вслух подыграл с легкой издевкой:

— Как прикажете, господин вокалист. Буду донимать вас своим присутствием каждый божий день.

— Идет, — Чэн Цзие щелчком отправил окурок в мусорное ведро. — Послезавтра репетиция, так что советую подготовиться.

Он на секунду задумался, а потом добавил:

— Кстати, играешь ты действительно круто. Куда лучше тех, кто был до тебя.

— А что стряслось с прежними? — из чистого любопытства поинтересовался Юй Сингэ.

Чэн Цзие немного помолчал, подбирая слова:

— Если в двух словах... Третий вылетел за раздолбайство. Второй — за то, что без разбору тащил в постель всё, что движется.

Слушая обычно немногословного и скупого на эмоции Чэн Цзие, который к тому же выделил это «без разбору» особым тоном, можно было без труда представить масштаб той катастрофы.

— А что с самым первым?

— Первый... — лицо Чэн Цзие помрачнело.

Это был человек, с которым они основывали группу, и расставание явно далось нелегко. Ответственный, надежный парень, производивший впечатление образцового скромника.

— Он подхватил заразу, — негромко произнес Чэн Цзие. — И до последнего скрывал это от нас. Из-за этого ему и пришлось уйти.

Юй Сингэ задумчиво прищурился.

Он помнил этого персонажа. В романе подобные детали всегда упоминались мимоходом, парой штрихов. Первый гитарист ONE заразился ВИЧ, а позже скончался. В книге туманно намекалось на его нетрадиционную ориентацию.

Юй Сингэ порой искренне недоумевал, как этот сетевой роман занесло на платформу для типично мужского фэнтези. Далеко не каждый автор на подобном ресурсе решился бы ввести в сюжет гея, пусть даже эпизодического. Особенно учитывая, что главный герой позиционировался как стопроцентный натурал.

Чэн Цзие, не догадываясь о его мыслях, неторопливо прислонился к краю стола.

Свет, падающий из балконного окна, делил комнату ровно пополам. Фигура Чэн Цзие вместе с его тенью оставалась в полумраке, тогда как Юй Сингэ стоял в самом центре яркого солнечного пятна. Тонкая, едва заметная световая граница пролегла между ними.

В воздухе отчетливо пахло нагретой древесиной.

Выражение лица Юй Сингэ, подставившего лицо полуденному солнцу, показалось Чэн Цзие странным, трудночитаемым. Из-за недавних мыслей о покойном друге и его тайной личной жизни в душе шевельнулось какое-то смутное, не до конца понятное чувство.

— Пойду к себе, — Чэн Цзие потянулся к сигаретной пачке, отчаянно пытаясь заглушить внезапно подкатившее раздражение.

Разумеется, злился он не на Юй Сингэ. Просто в комнате вдруг стало слишком душно, а воздух показался невыносимо горячим.

Списать это было не на что.

Солнечный луч, преломляясь сквозь горлышко стеклянной вазы на подоконнике, рисовал на полу безупречный золотистый овал. Шагнув вперед, Чэн Цзие не глядя наступил на него, безжалостно сминая хрупкий световой узор.

Сам он этого даже не заметил.